

О.В.Никитин

САМООЧИЩЕНИЕ ДУХА: ПУБЛИЦИСТИКА В.И.БЕЛОВА КАК СЛОВЕСНЫЙ РОДНИК

Осмысляются художественно-публицистические очерки и эссе В.И.Белова, в которых писатель остро ставит проблемы современной действительности и показывает себя мыслителем-полемистом, болеющим за коренные ценности культуры, веры и языка русского народа. В работе представлены некоторые типичные для В.И.Белова словесные модели и выражения, выделяющие его слог в потоке литературной публицистики и показывающие мастерство народного бытописателя в создании живых, эмоциональных, насыщенных смыслом образов бесконечно любимой им Родины.

Ключевые слова: Публицистический стиль, разговорный язык, народность, текстология, социальный рисунок, слово, языковая экспрессия, неология

Время не та категория, которой можно манипулировать безнаказанно. Время подобно живой природе, оно способно к самоочищению, если не перегружено ложью и тайнами, как вода и земля могут быть перегружены химией и отбросами нашей деятельности. Мы еще не дожили до критической точки, хотя перегруз уже чувствуется. Есть еще возможность освободиться от исторической лжи, заполнить временные провалы в памяти. Пока есть жизнь, будет и правда.

В.И.Белов. «Ремесло отчуждения».

Творчество самобытного русского писателя В.И.Белова литературоведы скорее всего могут разделить на этапы, жанры, выделить в нем те или иные тенденции и заимствования, увидеть эволюцию мастерства вологодского самородка. Здесь действуют особые каноны классической науки. Но В.И.Белова, от корня русского, «неприкаянного», всегда смотрящего вглубь пестрых картинок жизни, невозможно «оценивать» обычными методами, вживляя в сознание филологов новомодные «семы» и «концепты». Мир его публицистики особый. Это — брошенная, искореженная Россия, со страдальческим, но светлым лицом, своими идеалами, героикой и страшными недугами, которые никогда не могут победить истинного духа народа. То, что впоследствии в ученых трудах будут называть красивым словом «отечествоведение» [1; 2], для В.И.Белова составляло суть его земного бытия. В этом он видел высокий смысл служения своей Родине.

Один из очерков писатель закончил такими словами: «Грандиозный самообман русского человека, сотворившего попытку выжить не только без царя, но и без Бога, медленно, однако же неуклонно рассеивается. Переболев едва ли не всеми болезнями мира, он, русский человек, только начинает медленно выздоравливать, начинает трезветь осмыслять собственный путь и судьбу.

Родина, не дай же себя обмануть, “внемли себе”!» [3, с. 142].

В этих словах писателя выражено не только его отношение к осиротевшему народу, но и содержится призыв к самоочищению и возрождению духа — тот самый неброский *лад*, который лелеял в своем сердце писатель.

В.И.Белова по праву называют одним из самых ярких представителей так называемого *вологодского текста* — того пространства, которое таит «в себе загадку русской истории и духовности, самой души России» [4, с. 3]. В публицистике этот незаметный сторонним цвет родной природы выступает порой в трагических красках современной действительности. Но сквозь беловские раздумья всегда просачивается неугасимая вера.

В.И.Белов в своих словесных интонациях бывает очень резок, но всегда справедлив и никогда не лукавит: «Россия все-таки существует. Тогда на чем она держится? Не на одних же бутылках? Правительство, ободренное юристами и шустрыми академиками, ежегодно выпаивает нашему народу на десятки миллиардов рублей одурманивающего ядовитого пойла. А Россия все еще на своих ногах» [3, с. 21].

«Публицист считает, — пишет в статье об изучении этого непростого жанра в школьном курсе литературы учительница из Вологды Е.В.Седунова, — что отлучение от труда, а значит, и от привычных нравственных ценностей происходит по вине власти, которая не желает видеть в этом проблему» [5, с. 33].

Публицистические «тексты» создавались В.И.Беловым не для литературной забавы. Это — настоящее орудие против «образованщины» и фальшивых вывесок и лозунгов. Все его высказывания очень полемичны: писателю необходимо достучаться до сердца каждого гражданина, пробудить в нем самосознание, укрепить волю, заставить поверить в свои силы. Оттого, наверное, В.И.Белов часто задает вопросы, будто обращается к другу, полемизирует с ним, увещевает его, укоряет в ошибках и... прощает: «Откуда свалилась на нашу бедную голову атомная промышленность?» [3, с. 31]; «Чем мы будем оправдываться перед будущими непредсказуемыми жертвами?» [3, с. 33]; «Но у кого власть, я спрашиваю вас?»; «Спросить бы, кто верит в объективность этих опросов?» [3, с. 73] и мн. др.

В речевых «дуэлях» В.И.Белова участвуют как реальные (большей частью), так и художественные герои: «Где достать косилку Гаврилову, если даже обычный доильный аппарат я не мог достать ни в Москве, ни по-за Москве? С министрами дело имел, с самым высоким начальством» [3, с. 46]. Пушкин, митрополит Филарет,

Горбачев, Ельцин, Яковлев, Айтматов, Шукшин, Рубцов, Толстой, Ильин, снова Горбачев, Жириновский, Шеварднадзе... На одной чаше весов — правда и совесть, на другой — неоязычество.

Публицистические этюды В.И.Белова предельно конкретны и не обезличены: он смотрел изнутри народной культуры на «чужебские» власти и гримасы ее языка, как будто прикрывавшие истинное лицо творцов новых идей. Поэтому постоянное обращение к исторической памяти, к классике, вопреки таким сладким одурманивающим речам «избранных», создавало антонимический эффект и сразу выбрасывало на берег судьбы живое, настоящее и притворное. В.И.Белов был свидетелем и участником многих исторических событий и воспринимал этот бурный поток преобразований сквозь зеркало родной земли, над которой постоянно устраивают эксперименты, «модернизации» и «перестройки».

Наиболее типичными словами и выражениями для В.И.Белова в таком контексте стали такие: *демократы, депутаты, доморощенная развлекаловка, разноцветные журнальчики, новая иерархия ценностей, неоязычество, горбачевская мондиалистская перестройка, откормленная оппозиция* и т.д. А с другой стороны — «глухая далекая моя родина», где «совесть всегда здорова, и либо она есть, либо — нет. Сколько же художественных хитростей свершено в литературе, сколько фальшивых художественных приемов существует на свете!» [3, с. 105].

Показательно, что в публицистике он не обошел и проблем языка, которому навязывают иностранные изобретения: «Обычная говорильня называется нынче дебатами, всем понятные слова “болтовня” и “трёп” уступили непонятному, зато по-иному звучащему: “прения”» И далее: «Дебаты! Казалось бы, как набатно звучит и как благородно. Но... увы, увы мне, бедному депутату. Ежели есть дебаты (во множественном числе), то, по свойствам нашего языка, должно быть и единственное число, и тут уже действительно я приближаюсь к сатирическому ехидству» [3, с. 49].

Проницательный взгляд, тонкий слух и природное чутье исконной народной речи не позволяли В.И.Белову закрывать глаза на языковые изобретения, путь даже, на первый взгляд, вроде бы обычные. Но за словом писатель всегда видел дело. А если вместо него пустота, то здесь он начинал бунтовать, взрываясь от каждой фальшивой интонации и вида в этом не только смысловую подмену, а духовную. Приведем показательный фрагмент из очерков В.И.Белова: «Один депутат за три минуты своего выступления слово “проблема” ухитрился произнести более тридцати раз. Десять раз в минуту! Другое излюбленное депутатское и министерское выражение — это “вопрос”. “Вопросы”. Интересно, что было бы, если бы принять такое, к примеру, постановление: “...Слова “вопрос” и “проблема” разрешается использовать не больше одного раза в каждом выступлении”? Думаю, что желающих делать доклады сразу бы поубавилось» [3, с. 49].

Один из первых в эпоху начала очередного перекаривания ценностей России В.И. Белов говорил о «ремесле отчуждения» — проблемах бюрократии и экологии [6], он пытался объяснить, что такое *гумус* и *технический комфорт*, почему «земля отчуждена от человека» [6, с. 10], что бумага (документ) — это не простой юридический текст, а маскировка, за которой «прячется нечистая совесть» [6, с. 16].

Он постоянно в своих нелегких раздумьях о судьбах России возвращался на Родину, и его публицистический стиль начинал «оттаивать»: «Вдалеке звучно ныряют в воду гагары, озеро нестерпимо блестит на солнышке. Оно то золотисто-стальное, то густо-синее, то почти белое, в зависимости от силы ветерка» [7, с. 62]. Но и здесь мы видим ту же духовную оппозицию: *колхоз — Госплан, министерство; памятники национальной культуры — проектировщики*. Даже отмеченные нами слова не звучат только как «текст» — в них содержится отголосок социального, культурного и словесного неравенства, подмеченного так ярко в первых отечественных толковых словарях 1920—1940-х гг. [8; 9]. Трансформация уклада жизни постепенно приводила и к штамповке новых языковых и литературных форм.

Все эти реформаторы культуры рушат, по мнению В.И.Белова, художественную и историческую ценность ландшафтов: «В городском строительстве господствует стремление *сравнять* и *выпрямить*. Происходит в прямом смысле нивелирование живописных подъемов и спусков, городских холмов и речных берегов» [7, с. 193]. Особенно остро он воспринимал такие невзгоды современной цивилизации, когда писал о своей малой Родине — вологодчине. Его словесные стрелы метки и остры, но в тоже время, подсказывают, жалеют, уговаривают, разоблачают, горя об утраченном.

В наших заметках о словесных родниках публицистики В.И.Белова мы только наметили русло филологического и культурно-исторического исследования его полемических очерков и выступлений, где проявляется другая ипостась таланта писателя: он будто выпрыгивает из костюма литератора-классика и становится обычным собеседником, не наделенным каким-то большим достоинством по сравнению с его читателями. Еще и поэтому В.И.Белов уникален как мастер словесных «интервенций» в культурное пространство эпохи, которое для него было едино и распространялось на всех граждан страны без деления на сословия, города и мундиры.

В публицистике В.И.Белова нет сложных, «придуманных» фраз и конструкций. Все они ясные, часто патетические, с четкой постановкой вопросов и без излишнего украшения.

Художественный смысл таких сочинений пока еще недостаточно выявлен и находится в тени известных произведений В.И.Белова, но он несомненен, так как открывает и для писателя, и для его учеников исторически конкретную социально мотивированную жанровую композицию авторского интертекста, включенного в события и эпохи прошлого и настоящего, а значит, переосмысляющего культурные ценности и трагедии поколений русских людей. Здесь художественное полотно может сливаться с публицистическим и

образовывать «спаянный» жанр историко-философских эссе — размышлений о себе и своем пути, о власти, обо всем, что точило внутри крепкие жилы беловского характера, рожденного для того, чтобы творить и охранять родную землю, находясь вместе с ней под покровом Богоматери Веры.

Публицистика В.И.Белова — это всегда личные откровения писателя о безудержном мире человеческих страстей, разрушающих традиционный уклад жизни с его земными поклонами, настоящими красками и запахами, чистым небом — свободой и преданностью русского человека, разрываемого противоречиями новолетий и поиском смысла жизни. Сквозь писательский оптимизм прорывается незаживающая рана страданий, которая идет изнутри его мудрого сердца, тоскующего по народности в том ее смысле, который когда-то был определен романтиками XIX века. Народность — это *национальный дух*. Народность — это *самобытность*, выражение дум, чаяний и стремлений человека. Народность — *гармония веры и духа*. Как здесь ни вспомнить М.М.Пришвина, возглашавшего это так ясно и по-человечески открыто и наивно: «Я расту из земли, как трава, цвету, как трава, меня косят, меня едят лошади, а я опять с весной зеленою и летом к Петрову дню цвету».

У В.И.Белова своя интонация: она сквозит и волнуется за каждого человека, оторванного от своих корней, и за родную землю с ее брошенными угодьями, селами и беззвучием запустения. «Мы называем землю матерью, матушкой, кормилицей, поем ей гимны и славословим. Это лишь на словах. На деле мы поступаем с ней безнравственно и жестоко, мы давно забыли, что она живая. Как все живое, она ждала милосердия. Но произошло отчуждение. Вместо любви и милосердия земле было уготовано презрение и равнодушие. Ныне человек не только травит ее химией изнутри, но и калечит физически: топит, сверлит, роет, терзает гусеницами, то есть наносит ей раны физически, раны в прямом смысле» [6, с. 8].

В.И.Белов в полемических раздумьях бывает и резок, но справедлив. Его колкое перо направлено против искусственного мира, где царят другие законы. Он как бы изнутри его разглядывает, расшатывает и выворачивает наружу. В таких случаях писатель бывает очень афористичен: «Бюрократ — это чиновник с расплывчатыми обязанностями. Он оправдывает свое безделье мифической общественной необходимостью» [6, с. 38]. Или: «Бюрократ испытывает жажду иметь заместителя, но заместитель-то тоже ведь не прочь иметь заместителя. Заместителю необходим свой заместитель, на худой конец помощник, а помощнику тоже нужна секретарша» [там же]. И наконец: «Бюрократическая организация — это коллективная безответственность, она гарантирует защиту каждому ее члену. Словно грибница в болотной почве, невидимая обычным глазом, она самостоятельна и независима» [6, с. 38-39].

Во многих своих репликах В.И.Белов не щадит тех, кто властными полномочиями губит народность: «Гриппозное состояние чиновничьего ума вызывается вирусом гигантомании...» [6, с. 53].

На первый план здесь выступают у писателя социальные противопоставления: *бюрократическая обезличка — земля-матушка, пасынки — родные сыны* [6, с. 40].

Это явление гигантомании, по мнению В.И.Белова, у нас почти во всем: «В стране созданы если не сотни, то, во всяком случае, десятки научно-исследовательских институтов. Количество академиков, профессоров, кандидатов, старших научных сотрудников и лаборантов измеряется шестизначными числами. Но чем бы измерить нам качество всей этой грандиозной научной армии?» [6, с. 82-83].

Довольно часто в его публицистической интонации возникают сниженно-разговорные элементы вроде *посеет шатяй-валяй, паскудит свалками* [6, с. 40]. Но они не намеренно включаются автором в повествование. В.И.Белов не играет ими как мастер-литератор — он живым словом показывает лицо действительности. И в этом смысле «просторечие» писателя — особый художественный прием, выстраданный им как живым хранителем той далёкой подлинной народной жизни. Кстати, проблема просторечия в произведениях советских писателей встала очень остро именно в деревенской прозе, противопоставлявшей провинциальный «быт слова» городскому [10].

Кажется, что В.И.Белов обращает внимание на все признаки «отчуждения», чему он посвятил одну из своих публицистических книг, а это слово в его устах стало символом разрушения национальной культуры, истории, быта, традиционного землепашества и, конечно же, языка. Он чувствовал его на своем природном уровне, не позволявшим внедрить внешнее, неживое: «Аббревиатуры с началом на «Ц» у нас в большой моде. Дом литераторов не какой-нибудь, а Центральный, есть ЦДРИ, ЦДКЖ и прочие дома. А центральных союзов просто не счесть. И все эти центровки пишут директивы, указания, инструкции, рассылают рекомендации на места» [6, с. 43]. *Концентрация, регламентация, централизация, организация* становятся у В.И.Белова почти ругательными словами с бескультурными смыслами.

Еще пример: «Нерусское слово “досье” почему-то так и просится на язык. Хотя оно родственно больше не журналистской, а прокурорской терминологии, я не могу назвать по-другому полпуда разных документов, связанных с поворотом северных и сибирских рек» [6, с. 54]. Писатель называет их презрительно *поворотчиками* [6, с. 55], *перебросчиками* [6, с. 57]. А других, кто травит землю химией, — *поливальщиками* [6, с. 82].

Публицистика В.И.Белова — это особый вид *литературы* — размышления, философствования, обращение к прошлому и через него придиричивый беспокойный взгляд в настоящее и предупредительный — в будущее. Для него важны не только события как факты непростой истории коренной земли. Он рассказывал о людях и говорил о них с таким теплом и трепетом, уважением и любовью, что даже полемический запал не мог укротить писательского свободолюбивого нрава. Совсем по-другому он рассуждал о политиках и всей той

околокультурной жизни, с которой столкнулся в Москве в надежде как-то повлиять на умы просвещенных депутатов. И там он всегда обращался к деревенской жизни. В его наблюдениях, порой таких безыскусственных и «простеньких», столько отеческой мудрости, юмора в то же время боли за своих земляков, столетиями пахавших и оберегавших родной край от безумств инородцев и разрушительных сил «новой жизни».

Порой В.И.Белову хочется пожить в той детской сказке и навсегда остаться в мире радости, света — земного счастья. Этим проникновением в глубину внутреннего мира обычного человека, несмотря на резкий и даже иногда непримиримый словесный ряд выступлений и полемических этюдов писателя, проникнуто всё его творчество. Оно дышит раздираемыми современными мир противоречиями и успокаивается лишь тогда, когда В.И.Белов видит родные просторы — леса, поля, реки, покосившиеся храмы, старые остывшие избы. И в них, он точно знает, живет тепло отчего дома — та самая сказка, которая обязательно должна повториться снова.

В заключительной части приведем еще одно высказывание Мастера. Оно снова точно попало в цель:

«Размышляя о странностях, происходящих с сельским хозяйством, вспоминаю сюжет одной русской народной сказки. Сталкиваясь с обезличенным, ускользающе неопределенным злом, сказочный герой нарушает запрет проникновения в тайну и, пользуясь запретным ключом, открывает комору. Ту самую, входить в которую было никому не позволено. Что же он там увидел? А увидел он двух “звирей”: сначала коня, потом льва. Оба-два на цепи. В зубах коня торчит кусок мяса, а из пасти льва клок сена. Постигнув секрет разлада, герой делает очень немного: он всего лишь устраняет нелепость, возвращая сено коню, а мясо льву. “Звири” глотают еду и тотчас без посторонней помощи, сами освобождаются от цепей. Надо ли добавлять, что они верой и правдой служат сказочному герою?..

При виде студентов, одетых в фирменные куртки стройотрядовцев, я всегда вспоминаю эту сказку. Ведь студент на то и студент, чтобы учиться (студентов в царское время не брали в армию). У нас даже профессора и доценты, вместо того чтобы создавать малую механизацию, сами убирают сено и копают картошку» [6, с. 52].

Изучение публицистических произведений В.И.Белова только начинается, как приходит и осознание того, что из нынешней литературы с ее щедрыми конкурсами и пафосными мероприятиями, воспевающими не всегда заслуженно модных «корифеев» писательского ремесла, незаметно уходит жанр полемических социально-философских заметок о жизни в русской глубинке. Её словно забыли, и как она теперь существует — никого не касается. Это та территория для многих столичных писателей «первого ряда», которая находится за пределами понимания их «элитарности». Мода на деревенскую публицистику прошла. Культурная перестройка села и сохранение устоев народной жизни, о которых так беспокоился писатель, почему-то не являются актуальными в нынешней парадигме словесного творчества. Но для В.И.Белова-провидца Русская Земля, в каком бы забытии она ни находилась, всегда священна. В ней он видел источник возрождения духа и черпал свой удивительный талант.

1. Лингвистическое отечествоведение: Коллективная монография. Т. 1 / Под ред. В.И.Макарова. Елец, 2001. 275 с.
2. Лингвистическое отечествоведение: Коллективная монография. Т. 2 / Под ред. В.И.Макарова. Елец, 2001. 239 с.
3. Белов В.И. Внемли себе. Записки смутного времени. М., 1993. 143 с.
4. Судаков Г.В. Проза В.И.Белова как образец «вологодского» текста // Литература в школе. 2017. № 9. С. 2-7.
5. Седунова Е.В. Изучение публицистики В.И.Белова в школе // Литература в школе. 2017. № 9. С. 31-35.
6. Белов В.И. Ремесло отчуждения. М., 1988. 87 с.
7. Белов В.И. Раздумья на Родине: Очерки и статьи. М., 1986. 269 с.
8. Никитин О.В. Забытые страницы русской лексикографии 1920-х гг. (предыстория «Ушаковского словаря») // Русский язык в научном освещении. 2004. № 1(7). С. 195-228.
9. Никитин О.В. Очерки по истории русской лексикографии первой половины XX века (толковые словари): монография. Славянск-на-Кубани, 2012. 232 с.
10. Ожегов С.И. О просторечии (к вопросу о языке города) // Вопросы языкознания. 2000. № 5. С. 93-110.

References

1. Makarov V.I., ed. Lingvisticheskoe otechestvovedenie: Kollektivnaya monografiya [Linguistic motherland-study: Collective monograph], vol. 1. Elets, 2001. 275 p.
2. Makarov V.I., ed. Lingvisticheskoe otechestvovedenie: Kollektivnaya monografiya [Linguistic motherland-study: Collective monograph], vol. 2. Elets, 2001. 239 p.
3. Belov V.I. Vnemli sebe. Zapiski smutnogo vremeni [Listen to yourself. Notes of the Time of Troubles]. Moscow, 1993. 143 p.
4. Sudakov G.V. Proza V.I.Belova kak obrazets «vologodskogo» teksta [V.I.Belov's prose as example of "Vologda" text]. In: Literatura v shkole, 2017, no. 9, pp. 2-7.
5. Sedunova E.V. Izuchenie publitsistiki V.I.Belova v shkole [Studying V.I.Belov's journalism at school]. In: Literatura v shkole, 2017, no. 9, pp. 31-35.
6. Belov V.I. Remeslo otchuzhdeniya [Alienation work]. Moscow, 1988. 87 p.
7. Belov V.I. Razdum'ya na Rodine: Ocherki i stat'y [Thoughts at home: essays and articles]. Moscow, 1986. 269 p.
8. Nikitin O.V. Zabytye stranitsy russkoj leksikografii 1920-h gg. (predistoriya "Ushakovskogo slovary") [Forgotten pages of Russian lexicography of the 1920s. (background "Ushakov dictionary")]. In: Russkiy yazyk v nauchnom osvechshenii, 2004, no. 1(7), pp. 195-228.
9. Nikitin O.V. Ocherki po istorii russkoj leksikografii pervoj poloviny XX veka (tolkovye slovari): monografiya [Essays on the history of Russian lexicography of the first part of the XXth century (explanatory dictionaries): a monograph]. Slavyansk-na-Kubani, 2012. 232 p.
10. Ozhegov S.I. O prostorechii (k voprosu o yazyke goroda) [On the low-colloquial speech (to the problem of the city language)]. In: Voprosy yazykoznaniiya, 2000, no. 5, pp. 93-110.

Nikitin O.V. The Salvation of the Spirit: V.I.Belov's Journalism as Verbal Source. The article deals with artistic and publicistic sketches and essays by V.I.Belov, in which the writer acutely raises the problems of modern reality and shows himself as a polemic thinker, rooting for the fundamental values of culture, faith and language of the Russian people. The paper presents some typical for V.I.Belov verbal patterns and expressions that distinguish his style in the stream of literary journalism and showing the skill of the writer in the creation of lively, emotional, rich in sense, images of the homeland infinitely beloved by him.

Keywords: journalistic style, colloquial speech, nationality, textology, social picture, word, linguistic expression, neology.

Сведения об авторе. Олег Викторович Никитин — доктор филологических наук (10.02.01 — русский язык), профессор, Московский государственный областной университет (МГОУ), Историко-филологический институт, факультет русской филологии, кафедра истории русского языка и общего языкознания; olnikitin@yandex.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 15.05.2019. Принята к публикации 30.05.2019.